

ГЛАВА 18. ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ В НЕФРИТОВОМ КУВШИНЕ

Прежде чем Янь Хуайлин и Цзан Е успели прийти к какому-либо выводу, на ледяном каскаде мелькнула фигура. Скорость незнакомца поражала — он возник по обе стороны от них почти одновременно, двигаясь быстрее, чем мог уловить взгляд.

Человек был облачен в одеяния цвета озерной глади, которые в лучах солнца почти сливались с коварными склонами горы Бинжэнь. Его длинные, тронутые сединой волосы были небрежно распущены, а худощавый силуэт дышал благородством. Старик замер, заложив руки за спину; на вид он казался даже старше Е Чанлина из школы Лин.

Цзан Е внимательно следил за каждым его движением. Старик же медленно, размеренно подошел к ним и, повернувшись в сторону Ци Мэна, сухо бросил:

— Кто посмел чинить здесь бесчинства?

Ци Мэн, прервав атаку, с вызовом оглядел пришельца.

— А ты ещё кто такой? — неприязненно выплюнул он.

Старик в лазурном лишь холодно посмотрел на разгоряченного бойца и, взмахнув рукавом, строго произнес:

— Нынешнее поколение совсем не знает стыда. Ни капли уважения к старшим.

Ци Мэн презрительно фыркнул и коротким жестом обрушил на него «Технику Призрачного Пламени».

Незнакомец среагировал мгновенно: резкий взмах широкого рукава — и яростный порыв ветра смял призрачный огонь, оставив после него лишь несколько струек сизого дыма.

Стоявшие позади Цзан Е и Янь Хуайлин невольно переглянулись. Если на этой горе нельзя было использовать внутреннюю силу, то этот мастер развеял атаку противника одной лишь техникой, что говорило о запредельном уровне его мастерства.

— Господин Цзан, — прошептал Янь Хуайлин, не сводя глаз с поля боя. — Если бы мы сошлись с ним в честном поединке, используя лишь наши пути, каковы были бы шансы?

Цзан Е оценил уверенность Ци Мэна и то, как легко тот ориентировался на склонах ледяного пика.

— Пять из десяти, — ответил он после недолгого раздумья. — Его навыки Призрачного Пламени весьма основательны. Мастера из Нинчжоу не идут с ним ни в какое сравнение.

— Похоже, перед нами лучший ученик Шангуань Ци, — кивнул Цзан Е.

Янь Хуайлин пришел к тому же выводу.

Тем временем старик в лазурном продолжал противостоять Ци Мэну. Охристый боец приказал своим четверым спутникам одновременно начать заклинание «Пламени, обжигающего сердце», а сам зашептал слова «Заклятия Пленения Души», надеясь подчинить волю старца.

Но мастер лишь вскинул ладонь к небесам. Мгновение — и вокруг него соткался плотный барьер из белесого тумана, напоминающий кокон шелкопряда. Старик уселся внутри него, скрестив ноги, и замер в безмятежном покое.

Глядя на эту технику, Цзан Е замер от изумления.

— Господин? Что-то не так? — тихо спросил Янь Хуайлин.

Цзан Е промолчал. Он долгие годы обучался в школе Лин, но никогда не видел подобного приема. В мире существовало лишь два человека, чье мастерство в техниках Лин достигло пика, — Фэн Шуцзюнь и Е Чанлин. Их слава гремела на всю Поднебесную.

Хотя старик не представился, Цзан Е уже почти не сомневался. Перед ними был тот самый Фэн Шуцзюнь, о котором упоминал Еман-цзюнь. Слухи гласили, что характер у мастера был причудлив, а техники — изменчивы. Сегодняшняя встреча лишь подтверждала эти слова.

«Ледяной кокон»... Цзан Е замороженно смотрел на барьер. Даже когда пламя Призрачного Огня охватило все вокруг, старик внутри оставался невозмутим, как зеркальная гладь пруда.

Ци Мэн, осознав, что его лучшие приемы не приносят результата, быстро заскучал. Он перевел яростный взгляд на Цзан Е и Янь Хуайлина.

— Не думал, что у вас в рукаве припрятан такой козырь! Что, считаете Ци Мэна никчемным слабаком?!

С этими словами он бросился в атаку.

Цзан Е уже собирался применить «Ледяной плен на тысячу ли», как вдруг старик внутри кокона шевельнул пальцами, читая заклинание. Ци Мэн, не успев сделать и двух шагов, замер. Он растерялся и начал судорожно хлопать себя по ушам, словно пытаясь избавиться от навязчивого звука.

То же самое произошло и с остальной четверкой. Они качали головами, отчаянно растирая ушные раковины.

Цзан Е и Янь Хуайлин переглянулись — они не понимали, что за магию применил старик.

Наконец Ци Мэн пришел в себя. Он подлетел к кокону и в ярости пнул его ногой:

— Старая развалина! Что ты со мной сделал?!

Но едва он договорил, как обнаружил, что кокон пуст. Мастер исчез.

Пока Ци Мэн озирался, старик возник у него за спиной. Одно точное движение пальца в точку на спине — и враг рухнул наземь без сознания. Остальные четверо бросились наутек, но старик, совершив молниеносный выпад, применил технику «Полета десяти тысяч снежинок». Ледяной холод сковал их движения; они повалились на лед, катаясь от боли и хватаясь за плечи в безуспешных попытках согреться.

Янь Хуайлин во все глаза смотрел на старца, который в мгновение ока разделался с противниками, казавшимися им столь опасными. Личность мастера стала очевидна.

Они с Цзан Е одновременно опустились на одно колено и сложили руки в приветствии:

— Благодарим старшего Фэна за помощь.

Фэн Шуцзюнь выпрямился и посмотрел на них без тени удивления.

— Так это вы те самые «хранители свитков», о которых говорил Ян Хэ?

Янь Хуайлин не знал, смеяться ему или плакать. Быть названными простыми посыльными после стольких трудов — это задевало самолюбие.

— Мы самые, — ответил Цзан Е.

Старик еще раз оглядел их с ног до головы.

— Я видел ваши приемы. Талант у вас есть, но в искусстве путей вы смыслите мало.

Янь Хуайлин, который учился лишь азам у Дун Хуана, смиренно промолчал. Цзан Е же, будучи учеником самого Е Чанлина в Обители Зелёных Пиков, почувствовал укол стыда.

— Подойдите, — велел Фэн Шуцзюнь.

Не понимая, что он задумал, молодые люди повиновались. Мастер взял каждого за запястья, прощупывая пульс. Он долго стоял с закрытыми глазами, изучая течение их энергии.

— Твоя духовная ци школы Лин весьма глубока, — заметил он, глядя на Цзан Е. — Она течет размеренно и чинно, подобно реке, готовой выйти из берегов.

Затем он перевел взгляд на Янь Хуайлина:

— А ты, малец... Когда это ты успел нахвататься техник школы Цзюэ?

Янь Хуайлин почувствовал себя так, словно его выставили нагим на морозе. Он неловко почесал затылок:

— В детстве... практиковал...

— Неужто считаешь, что наши техники Лин уступают этим грязным приемам? — сурово спросил старик, отпуская его руку.

Янь Хуайлин поспешил оправдаться:

— Вовсе нет! Я просто был юн и глуп, связался с дурной компанией... Прошу, старший, не держите зла.

Он решил прикинуться простаком, лишь бы не ворошить прошлое, связанное со школой Цзюэ, о котором предпочел бы забыть навсегда. Цзан Е нахмурился, заметив эту его привычную лукавую улыбку.

Фэн Шуцзюнь лишь хмыкнул, не став докапываться до истины. Он отвернулся к замерзшему водопаду.

— Если вы вновь столкнетесь с мастерами школы Цзюэ, как собираетесь им противостоять?

Янь Хуайлин помедлил:

— Мои знания их путей поверхностны. С простыми приемами я справлюсь, но если дело пойдет всерьез...

— Будешь плясать под их дудку, — сухо закончил старик.

Юноша виновато кивнул.

— А ты? — Фэн Шуцзюнь посмотрел на Цзан Е. — Ты ведь собирался использовать «Ледяной плен», верно?

— Старший проницателен, — поклонился Цзан Е.

— Эта техника пожирает слишком много сил. Если враг выстоит, что ты будешь делать дальше? Бить «Полетом десяти тысяч снежинок», пока не упадешь замертво от истощения? У тебя просто не останется выбора.

Янь Хуайлин вспомнил, как тяжело пришлось Цзан Е после битвы с куклой Лю Сямина, и его сердце невольно сжалось.

— Суть духовных техник — в форме, но их душа — в осознании, — продолжал мастер. — В нужный момент нужно слиться с природой, вобрать в себя дыхание неба и земли. Только тогда техника станет частью тебя. Мальчик, иди-ка вон туда. Используй свое «Призрачное пламя» против меня.

Янь Хуайлин опешил:

— Что?

— Уши заложило?

— Понял! — Янь Хуайлин сообразил, что старик решил преподать им урок. Он добежал по льду до самого подножия водопада и развернулся.

— Нападай! — скомандовал Фэн Шуцзюнь.

Янь Хуайлин сосредоточился, собрал всю энергию и выбросил вперед ладони. Сгусток яростного огня сорвался с его пальцев, устремляясь к старцу. Тот не шелохнулся и не попытался уклониться — он просто пошел прямо в пламя.

Цзан Е вскрикнул от неожиданности. Янь Хуайлин хотел было оборвать заклинание, но Фэн Шуцзюнь рявкнул:

— Слишком слабо! Жми сильнее!

Пришлось выложиться на полную. Огонь взревел, поглощая фигуру мастера, но тот шел сквозь стену жара с безмятежным видом, будто прогуливался по весеннему саду. Ни один волосок на

его голове не опалился.

— Знаешь, почему этот огонь не может меня коснуться? — спросил старик, глядя на Цзан Е. Тот лишь покачал головой.

— Путь начинается в сердце. Чтобы управлять любой техникой, нужна сила духа. У того, чья воля слаба, приемы никогда не достигнут совершенства. Техники Цзюэ рождаются в уме и бьют по уму. Этот огонь — лишь воплощение вражеской воли. Когда ты превращаешь пустоту в реальность, ты можешь влиять на мир.

Янь Хуайлин прекратил атаку и подбежал к ним:

— Учитель!

Фэн Шуцзюнь вскинул ладонь, и порыв ветра едва не сбил юношу с ног.

— Малец, если ты решишь и дальше идти путем Цзюэ, я не стану тебе мешать, но и помочь не смогу. Но если ты захочешь встать на путь Лин, у меня еще есть шанс тебя спасти.

Янь Хуайлин задумался.

— Старший, разве, идя путем Цзюэ, нельзя противостоять самой школе Цзюэ?

Старик расхохотался:

— Скажи мне, юноша, можно ли пламенем укротить пожар? Или залить воду водой?

— Это призрачный огонь сердца, — упрямо возразил Янь Хуайлин. — Если мое пламя будет жарче, я одолею врага.

Фэн Шуцзюнь посмотрел на его решительное лицо.

— Насилие лишь порождает насилие, оно не лечит корень болезни. Мастера Цзюэ возвращают в себе злобу. Мало кто из них достигает вершин, сохранив в душе хоть каплю света.

— А можно ли... — Янь Хуайлин замялся. — Можно ли изучать оба пути сразу?

Мастер прищурился. Цзан Е тоже посмотрел на товарища с необъяснимым напряжением.

— Гвардеец Дуаньму Цюлин при императоре — один из таких «двоеборцев», — медленно

произнес старик. — Но тот, кто идет одним путем, чист помыслами, его магия кристальна. Тем же, кто пытается усидеть на двух стульях, нужно быть гением. Сердце у человека одно, а принципы Лин и Цзюэ противоречат друг другу. Если попытаешься их срастить силой, твой разум расколется. Ты просто сойдешь с ума и умрешь в муках.

— Но раз такие люди есть, значит, это возможно? — Янь Хуайлин лихорадочно блеснул глазами.

— Почему ты так цепляешься за этот путь? — спросил Фэн Шуцзюнь.

Янь Хуайлин невольно глянул на Цзан Е и встретил его тяжелый, испытующий взгляд.

— У меня... есть причины, — тихо ответил он, опуская глаза.

Когда-то Дун Хуан спас его. Несмотря на то, что они расстались не на самой доброй ноте, учитель не преследовал его все эти годы. Именно благодаря тем техникам Янь Хуайлин смог свершить мечь. Долг благодарности был слишком велик. Пусть в глазах мира школа Цзюэ была воплощением зла, он не мог заставить себя отречься от нее.

Видя его смятение, Фэн Шуцзюнь не стал настаивать. Хотя он и презирал адептов Цзюэ, верность принципам он уважал. К тому же, за этих двоих просил сам Ночной Князь.

— Что ж, если ты так жаждешь безумия, я не стану тебя отговаривать. Только не вини меня, когда испустишь последний вздох.

Янь Хуайлин криво усмехнулся.

— Путь Цзюэ сеет хаос в чужих душах. Наш же путь Лин берет начало в покое. Мы черпаем силу из гармонии неба и земли. Мы умирняем демонов сердца, гасим пожары в уме, прислушиваемся к шепоту мироздания. Мы превращаем шум в тишину, а грязь — в чистоту.

— Сегодня я обучу вас двум приемам. Первый зовется «Ледяное сердце в нефритовом кувшине». Это символ верности себе, стойкости перед лицом любых испытаний.

Старик едва заметно шевельнул рукой, и вокруг него поплыла нежная белая дымка.

— На первых порах эта энергия будет зримой. Она эффективно гасит любые враждебные влияния.

Он кивнул Янь Хуайлину. Тот снова применил Призрачное Пламя, но, едва коснувшись белого тумана, огонь бесследно исчез.

— Когда вы постигнете суть, форма станет не нужна, — Фэн Шуцзюнь взмахнул пальцами, и туман рассеялся. — Нападай снова!

На этот раз Янь Хуайлин ударил «Пламенем, обжигающим сердце». Мастер принял удар на грудь, стоя в эпицентре пожара совершенно невредимым.

— Поразительно... — выдохнул Янь Хуайлин, опуская руки.

— Только полная ясность ума позволяет достичь этого, — старик посмотрел на Цзан Е. — Начало этой техники схоже с твоим «Ледяным пленом», но ты должен не выбрасывать силу наружу, а сконцентрировать её внутри. Остальное поймешь сам.

— Благодарю за наставление, — Цзан Е почтительно поклонился.

— А ты, — мастер взглянул на Янь Хуайлина. — Когда атакуешь, ты должен гасить пламя в собственной груди. Ищи мир внутри себя, только так ты сможешь превратить разрушение в защиту. Ошибешься — и обе силы столкнутся внутри тебя. Это будет конец.

Янь Хуайлин задумчиво кивнул.

— Старший, а каков второй прием?

— Второй зовется «Абсолют тысячи гор». Сияющий снег на одиноких скалах, безмолвие пяти стихий... Это тишина небес. Этой техникой ты обрываешь любые магические звуки и гасишь волю врага. Её можно направить на противника, а можно — на самого себя. Когда она обретает силу, мир вокруг замирает. Враг познает ужас пустоты.

— Что такое «ужас пустоты»? — спросил Янь Хуайлин.

— Это когда ты убиваешь в нем демона и заставляешь слушать тишину сотворения мира.

Молодые люди застыли, пытаясь осознать масштаб сказанного.

— Оба этих приема требуют чистоты помыслов. Ты должен быть здесь и сейчас, единым с небом и землей.

Фэн Шуцзюнь подошел к лежащему без чувств Ци Мэну и коротким касанием привел его в сознание. Обернувшись к ученикам, он произнес:

— По-настоящему осознать силу можно лишь на грани гибели. Дальше вам придется справляться самим!

С этими словами он взмыл в воздух и мгновенно исчез за пеленой замерзшего водопада.

— Учитель! — крикнул Янь Хуайлин.

Цзан Е мрачно посмотрел на Янь Хуайлина, но не успел ничего сказать — Ци Мэн уже вскочил на ноги.

— Вы! Вы перешли все границы!!! — взревел он и обрушил на них стену Призрачного Пламени.

Друзьям пришлось разлететься в разные стороны. Едва Янь Хуайлин приземлился, как увидел, что Ци Мэн, ослепленный яростью, несется прямо на Цзан Е, осыпая его ударами «Пламени, обжигающего сердце».

Огромные языки огня захлестнули пространство. Цзан Е попытался ответить «Снежинками», но пламя было слишком яростным. Отступать было некуда. Вспомнив слова Фэн Шуцзюня, гвардеец закрыл глаза и глубоко вздохнул.

«Ледяное сердце в нефритовом кувшине. Верность пути. Стойкость духа».

Он вызвал в себе то чувство ледяного покоя, что требовалось для высших техник, но вместо того, чтобы атаковать, направил всю энергию внутрь.

Огонь поглотил его. Жар обжигал даже сквозь закрытые веки.

«Путь Лин — это усмирение. Это чистота. Это тишина».

В самой глубине его существа зародился холод. Сначала крошечная искра, затем — мощный поток, который начал расширяться, вытесняя жар.

Вскоре пламя начало гаснуть, а Цзан Е открыл глаза. Его окружал плотный белый туман, точь-в-точь как у мастера Фэна. Он спокойно посмотрел на ошеломленного Ци Мэна и сделал шаг вперед.

Видя, что огонь бессилен, Ци Мэн в отчаянии начал читать «Заклятие Пленения Души». Но Цзан Е, удерживая состояние «Ледяного сердца», нанес ответный удар — «Полет десяти тысяч снежинок» смешался с новой техникой, обрушиваясь на врага.

Ци Мэн не смог устоять. Сила удара отбросила его назад, он перекатился через голову и, поняв, что с Цзан Е ему не совладать, бросился к Янь Хуайлину.

Тот, видя, как Цзан Е разделался с пламенем, замер от восхищения. Но времени на радость не

было — враг был уже близко. Янь Хуайлин попытался сосредоточиться, как учил старик, но грохот шагов и невыносимый жар мешали ему. Сердце колотилось, требуя бежать. Он никак не мог найти тот самый покой.

Удар Ци Мэна в грудь был страшен. Янь Хуайлин отлетел на несколько сажений, прежде чем рухнул на лед.

Цзан Е вскрикнул, увидев, как его товарищ захлебывается кровью. Пока он бежал по скользкому озеру, Янь Хуайлин уже не мог подняться — тело отказывалось повиноваться.

<http://bllate.org/book/17493/1712108>